

Е. В. Мацулевич

Республиканский институт высшей школы, Минск;
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

E. V. Matsulevich

National Institute For Higher Education, Minsk;
Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 94(73+47+57):327“1991/2021”

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛИТИКУ США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1991–2021 ГГ.¹

THE INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON US POLICY TOWARDS POST-SOVIET INTEGRATION IN 1991–2021

После окончания Холодной войны Вашингтон должен был выработать внешнеполитическую стратегию, отвечающую новым реалиям, в том числе определить позицию в отношении интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Изменяющаяся внутри- и внешнеполитическая обстановка вынуждала каждую новую администрацию корректировать цели и задачи внешней политики США. В статье прослежено влияние политической обстановки в мире на политику США в отношении постсоветской интеграции в 1991–2021 гг., определены постоянные и переменные внешние угрозы, борьба с которыми отвечала «жизненно важным интересам» страны и прямо или косвенно влияла на процессы постсоветской интеграции.

Ключевые слова: США; постсоветская интеграция; постсоветское пространство; новые независимые государства; Дж. Буш-ст.; У. Клинтон; Дж. Буш-мл.; Б. Обама; Д. Трамп.

After the end of the Cold War Washington had to develop a foreign policy strategy that meets the new realities, determine the position regarding integration processes in the post-Soviet space. The changing domestic and foreign political situation forced each new administration to adjust the goals and objectives of US foreign policy. The article considers how the political situation in the world influenced the US policy towards post-Soviet integration in 1991–2021, identifies constant and variable external threats, the fight against which met «vital goals» and directly or indirectly influenced the processes post-Soviet integration.

Key words: USA; post-Soviet integration; post-Soviet space; New Independent States; George H. W. Bush; W. J. Clinton; George W. Bush; B. Obama; D. Trump.

После окончания Холодной войны для США открылась возможность «разыграть партию» на «евразийской шахматной доске» по сценарию

---

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к. и. н., доц. А. П. Косов).

3. Бжезинского: включить «среднюю часть» территории от Лиссабона до Владивостока (примерно границы постсоциалистического пространства) в «расширяющуюся орбиту Запада (где доминирует Америка)», не дать стать ей «активным единым целым» и/или «взять контроль над Югом», или «образовать союз с участием крупной восточной державы» [1]. Это означало, что создание в регионе неподконтрольных Вашингтону интеграционных образований не отвечало интересам США, связанным со стремлением расширить зону своего влияния. Однако американское руководство не смогло выработать четкой стратегии, направленной на противодействие созданию китайских и российских проектов, а руководствовалось насущными внутренними и внешними обстоятельствами, определяющими необходимость предпринять те или иные внешнеполитические шаги. Цель исследования – проследить, как внешние факторы влияли на политику США в отношении постсоветской интеграции в 1991–2021 гг.

Администрация Дж. Буша-ст.

Задачи на других векторах внешней политики

Администрацией Дж. Буша-ст. не было выработано конкретной концепции американской внешней политики, учитывающей новые геополитические условия. Одной из причин, почему пересмотр внешнеполитической стратегии страны затянулся и не был сконцентрирован на процессах в постсоветском регионе, являлась благоприятная обстановка для активной внешней политики США на других векторах, а также вызовы и угрозы, исходящие от них.

Сразу после инаугурации Дж. Буша-ст. и формирования его команды приближенных в 1989 г. США включились в процессы трансформации миропорядка. В условиях деформации принципов советской внешней политики перед Вашингтоном открылась возможность укрепить свои позиции в Европе, добившись объединения Германии и ее интеграции в евроатлантические структуры. Эта «жизненно важная» цель не могла быть брошена после распада СССР, несмотря на появление новых вызовов и перспектив. Аналогично ситуация складывалась в традиционной зоне интересов США – Латинской Америке, в которой в условиях ослабления социалистической угрозы американцы получили возможность установить выгодный для себя политический и экономический режим. Требовало активной внешней политики и ситуация на Востоке. Угрозу экономике США представляли действия С. Хусейна, на противодействие которому были брошены значительные американские военные силы. Все эти мероприятия представляли для Вашингтона стратегическую важность и после распада СССР и не могли отойти на второй план.

Вопросы безопасности и ядерного разоружения

В то же время в обширной внешнеполитической повестке Вашингтона регион бывшего Советского Союза занимал особое место. Перед Белым домом стояла задача определить свою позицию в отношении тех процессов,

которые там проходили, в том числе в отношении образования Содружества Независимых Государств (СНГ), а также не допустить «расползания» советского ядерного оружия, появления региональных конфликтов, и в целом создать благоприятную обстановку для включения постсоветского пространства в «западный мир».

Внимание администрации сконцентрировалось на вопросах ядерного разоружения и региональной безопасности. Создание СНГ в данных условиях было выгодно США, т. к. Статья 6 договора о Содружестве, представленная Б. Ельциным Дж. Бушу-ст., удовлетворяла интересы Белого дома, давая гарантию соблюдения странами-участницами требований международной безопасности и сокращения вооружения и расходов на оборону, подтверждая намерение ликвидировать ядерное оружие и провести полное разоружение [2, р. 3]. Россия при этом была воспринята как гарант данных обязательств. Кроме того, ее особый статус также диктовала необходимость решить вопрос преемственности договорной базы США и СССР.

Администрации У. Клинтона

Вопрос ядерного разоружения

О том, что вопрос ядерного оружия был одним из главных для администрации У. Клинтона при определении политики США в отношении стран бывшего Советского Союза, свидетельствует подход к Беларуси, с которой у Вашингтона стали ухудшаться отношения после смены в республике парламентской формы правления на президентскую в 1994 г.: Сенат в своем обращении к У. Клинтону обозначил, что т. к. белорусская политика по разоружению страны, отвечает интересам США, то Вашингтон должен ответить поддержкой и продвижением интересов Беларуси [3, р. 2631].

Политика России на постсоветском пространстве

Вопрос ядерного оружия и региональной безопасности также определял особое отношение к Российской Федерации. Первоочередное значение в деле сокращения вооружения и нераспространения технологий его создания отводилось именно ей, а также Украине [4, р. 11]. Однако сохранение российских войск в ряде новых независимых государств вело к тому, что в России стали видеть не столько американского партнера, сколько соперника.

В качестве ответной реакции, направленной на снижение российского влияния в регионе, США более активно включились в процессы демократизации новых независимых государств: американское руководство должно было поставить приоритетом своей внешней политики содействие демократизации бывших социалистических стран Евразии, чтобы укрепить свое влияние среди новых независимых государств («доктрина Лейка»). Такая политика не имела прямой цели противодействовать постсоветской интеграции, но, будучи направленной против лидерства России или иной страны, действия которой не отвечали бы американским интересам, она должна

была препятствовать деятельности интеграционных объединений, неподконтрольных Вашингтону.

Кроме того, начался поиск иных средств консолидации стран региона, которые не вели бы их к зависимости от России, а способствовали бы включению в «мир демократий» [например: 5, р. 9216; 6, р. 16304], а также активизировалось обсуждение вопроса о расширении НАТО. В отношении постсоветской интеграции это означало стремление США снизить значение неамериканских проектов и, наоборот, повысить привлекательность установления тесных отношений с Вашингтоном.

Замедление демократической трансформации в ряде новых независимых государств

Еще одной причиной, почему американцы начали поиск более эффективных средств включения новых независимых государств в американскую сферу влияния, стала очевидность замедления трансформационных процессов по западному образцу в этих странах, что создавало новые угрозы мировому порядку и национальным интересам США. В связи с этим продолжение демократического перехода в новых независимых государствах объявлялось долгосрочной перспективной целью [7, р. 32]. По этим же причинам особое внимание стало уделяться анализу проведенных в постсоветских странах реформ, особенно в Украине и в России.

Углубление российско-белорусской интеграции

Появление в российском политическом дискурсе идеи евразийства, что для американцев означало стремление Кремля отойти от вестернизации и модернизации по западному образцу и усилить сотрудничество с азиатскими соседями и странами бывшего соцлагеря, а также углубление сотрудничества Минска и Москвы вызвали новую критику со стороны Вашингтона.

Центр стратегических и международных исследований США (CSIS), видя причиной постсоветской интеграции под эгидой Москвы экономические проблемы стран-участниц, чтобы ее избежать и хеджировать американские риски, предложил выделять больше финансов соседям России [8, р. 1], а также стимулировать экономическую «естественную интеграцию» в противовес «политической реинтеграции» в Советский Союз [8, р. 1]. Выгодой для США при реализации такого подхода должна была стать стабилизация постсоветского пространства и создание выгодных условий для международной торговли [8, р. 6].

Администрации Дж. Буша-мл.

Задачи на других векторах внешней политики

Внешнеполитический подход США был изменен после терактов 11 сентября 2001 г. Новая внешняя политика должна была стать активной, направленной на укрепление международной безопасности и мировую демократизацию. В этой связи приоритетное внимание было перенесено на ближневосточный регион и Афганистан. Постсоветское пространство не

составляло главный интерес для администрации президента, Государственного департамента и Пентагона. Однако полностью «уйти» из региона США как позиционирующее себя мировым лидером государство не могло, так как это подорвало бы престижный международный статус.

Теракты 11 сентября 2001 г

Под влиянием событий 11 сентября 2001 г. Вашингтон пересмотрел принцип построения дружеских отношений с новыми независимыми государствами и оказания им помощи. Теперь критерием стало не только стремление той или иной страны к демократическим реформам, но и ее намерение бороться с терроризмом. В отношении постсоветской интеграции такая политика означала, что США усилили экономический инструмент создания конкуренции неподконтрольным Вашингтону интеграционным объединениям.

Политика России на постсоветском пространстве и активизация постсоветской интеграции

Миссия США по борьбе с терроризмом диктовала особый статус России как главного партнера, что было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. [9, Preface]. Однако, как и ранее, одной из причин, почему российско-американские отношения начали портиться, стала возрастающая непредсказуемость и усиливающаяся активность политики Москвы в постсоветском регионе, в частности активизация российских интеграционных проектов. В американских политических кругах появление любого нового интеграционного проекта рассматривалось как политический шаг, направленный на возвышение России среди стран бывшего СССР. Основания к этому находили в расплывчатых формулировках договорной базы интеграционных проектов [10, p. 3].

Политика Китая в Центральной Азии

Аналогичную угрозу американским интересам стал представлять Китай со своими интеграционными инициативами, затрагивающими Центральную Азию, нефть и газ которой являлись потенциальным резервным источником, дополняющим ресурсы, поступающие в США из стран Персидского залива. Как следствие – неподконтрольная Вашингтону интеграция здесь не отвечала интересам Белого дома, т. к. эти страны надо было держать в американской сфере влияния. Особую актуальность эта задача обрела после 11 сентября 2001 г., когда Вашингтон получил возможность усилить свое влияние в регионе с помощью военного присутствия, используя территорию центральноазиатских республик бывшего СССР как плацдарм для борьбы с террористической угрозой, исходящей из Афганистана.

Для ослабления интеграционных инициатив Китая и России в Центральной Азии Дж. Буш-мл. продолжил развивать интеграционный проект, зародившийся при У. Клинтоне, – Организацию за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), характеризующуюся как «относительно прозападная группа постсоветских государств с общими проблемами безопасности:

Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова» [11]. В начале 2000-х гг. в ГУАМ также входил Узбекистан, а организация носила аббревиатуру ГУУАМ. В 2001 г. была подписана ее Хартия.

«Цветные революции»

Грузинская «революция роз» 2003 г., украинская «оранжевая» революция 2004 г., «тюльпановая революция» 2005 г. в Киргизии, акции протеста 2006 г. в Минске – ключевые события для США, демонстрирующие прозападные настроения в бывших советских странах. Итоги «цветных революций» заставили американцев сделать вывод: «Наши “кнуты” оказались неэффективными, поэтому сфокусируемся на “прянике”» [12]. К таким «пряникам» относились средства «мягкой силы»: проекты в области правовой защиты экономики, юридического образования, обучения английскому языку, научно-технического оснащения школ, расширения возможностей получения стипендий на получение высшего образования в США, трудоустройства [12].

Администрации Б. Обамы

Задачи на других векторах внешней политики

Став президентом США, Б. Обама стремился реализовать три цели во внешней политике: изменить отношения с усиливающимися азиатскими державами, особенно Китаем; трансформировать отношения с мусульманским миром (снизить конфликтность); содействовать ядерному нераспространению и разоружению [13]. Постсоветская интеграция не являлась главной проблемой для Вашингтона, однако, к тому времени уже традиционно рассматриваясь как часть «русской» и «китайской» «угроз», сохраняла свою актуальность.

Украинский кризис 2013–2014 гг., последующий российско-украинский конфликт и политика России на постсоветском пространстве

Новым вызовом для американской внешней политики выступил украинский кризис 2013–2014 гг. и последующий российско-украинский конфликт, развернувшийся на фоне вхождения Крыма в состав России и поддержки Россией независимости Донецкой народной республики (ДНР) и Луганской народной республики (ЛНР). Белый дом поддержал прозападные настроения в Украине и президента П. Порошенко и выступил против тех действий, которые предпринимала Россия: Соединенные Штаты не признали референдум в Крыму, осудили и признали незаконными выборы в Донецке и Луганске.

Политика России в отношении Украины использовалась США как повод для нанесения удара по российской экономике с помощью санкций, также это стало поводом для налаживания военного сотрудничества США с Украиной, в том числе посредством НАТО. К 18 сентября 2014 г. лишь 7 млн долл. направлялись в Украину для гуманитарных нужд, а 46 млн долл. в дополнение к 70 млн долл. «в виде помощи в области безопасности пойдут на поддержку украинских военных и пограничников» [14]. По сцена-

рию Украины аналогичная политика применялась для Молдовы и Грузии [15; 16]. Одна из декларируемых целей при этом была их европейская и евроатлантическая интеграция.

Была актуализирована прежняя стратегия США – включить постсоветское пространство в зону своего влияния через Североатлантический Альянс, который должен был заменить постсоветскую интеграцию под эгидой России или Китая, или любой другой страны (например, Беларуси в рамках проекта «интеграции интеграций» [17, с. 321–329]). На саммите НАТО в 2014 г. Грузии, Украине и Молдове был предоставлен статус «особых партнеров» Альянса, а согласно закону «О предотвращении российской агрессии» (*Russian Agression Prevention Act of 2014*) в том же году им был предоставлен статус «союзника без членства в НАТО».

Политика Китая на постсоветском пространстве

Чтобы снизить интерес бывших республик СССР к китайским интеграционным инициативам, американское руководство в 2015 г. выработало еще один механизм вовлечения новых независимых государств в «западный мир» – площадку «С5+1» с участием США, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана.

Администрация Д. Трампа

Задачи на других векторах внешней политики

Д. Трамп продемонстрировал стремление пересмотреть ряд ключевых вопросов американской внешней политики. Он вывел США из Парижского климатического и Транстихоокеанского партнерств, Совместного всеобъемлющего плана действий по Ирану, принял решения о выводе американских войск из Сирии и Афганистана, пошел на сближение с Индией, Саудовской Аравией и Израилем, реализовывал политику экономического давления на Венесуэлу, ведя борьбу против Н. Мадуро, провел переговоры с лидером Северной Кореи. Политика США на постсоветском пространстве развивалась в рамках «торговой войны» с Китаем и экономических санкций в адрес России.

Рост мировой политической и экономической силы Китая

Политика Д. Трампа показывает, что главной своей целью и врагом Вашингтон видел Китай, темпы роста экономики которого угрожали Вашингтону потерей своего не только экономического, но и политического лидерства в мире. Чтобы ослабить Пекин было необходимо в том числе подорвать его союз с Москвой. Это отвечало не только цели в отношении КНР, но и в целом создавало бы более благоприятные условия для США в международных делах. Также это ликвидировало бы угрозу развития китайской инициативы «Один пояс – один путь» совместными российско-китайскими усилиями, что могло бы реализовать идею Кремля о Большой Евразии.

Чтобы сохранить свое присутствие в постсоветском регионе, администрация Д. Трампа переняла прежний подход – политику, направленную на поддержание прозападных настроений в странах бывшего СССР. Для США

в постсоветском регионе характерно следование стратегии, обозначенной старшим научным сотрудником программы Карнеги «Россия и Евразия» П. Стронским: офшорное балансирование («*offshore balancing*») с помощью политических и экономических вопросов, вопросов безопасности; избирательный подход к партнерству с евразийскими странами; помогать странам региона компенсировать геополитический вес их более крупных соседей (России и Китая); привлекать к такой политике союзников и партнеров США в Азии, Европе и на Ближнем Востоке; т. к. у Соединенных Штатов больше интересов и больше влияния в Восточной Европе и на Южном Кавказе, то приоритетами должны оставаться Грузия, Молдова и Украина [18]. В Центральной Азии ставка делалась на Казахстан как американского союзника в борьбе с китайской инициативой «Один пояс – один путь» и страну, настороженно относившуюся к российским устремлениям укрепить зону своего влияния в регионе, а также недовольную низкой результативностью Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [19].

Российско-украинский конфликт и политика России на постсоветском пространстве

Российско-украинский конфликт продолжил использоваться как аргумент для увеличения экономических санкций в адрес России. Кроме того, при Д. Трампе он был воспринят американцами как повод для подрыва российско-белорусской интеграции, в связи с чем с 2014 г. по 2020 г. белорусско-американские отношения перешли в стадию «потепления». Визит М. Помпео в Беларусь планировался и осуществлялся параллельно с развитием договоренностей А. Лукашенко и В. Путина об углублении интеграции в начале 2020 г. Продолжение такого курса американской политики стало невозможным на фоне ряда новых договоренностей по углублению российско-белорусского сотрудничества.

Более успешным оказался курс по составлению конкуренции российским и китайским интеграционным инициативам с помощью платформы «C5+1», которая с 2016 г. демонстрирует тенденцию разрабатывать совместные экономические проекты, заменять российское и китайское влияние американским и принимать форму экономически близкую платформе ЕАЭС [20, с. 158].

Пандемия Covid-19

Новым вызовом для всей международной политики с конца 2019 г. – начала 2020 г. стала пандемия Covid-19. Для США она имела потенциальную выгоду в том, что закрытие границ негативно сказывалось на экономической составляющей интеграционных проектов, в частности на ЕАЭС и китайских экономических проектах. В новых условиях американцы прогнозировали кризис и в российско-белорусских отношениях [21].

Эпидемиологическая ситуация также использовалась как средство ослабления Китая, в адрес правительства которого США озвучили обвинения в причастности к началу пандемии, разработке вируса как биологического

оружия, в скрытии первых заражений, нарушении прав человека в рамках политики по борьбе с эпидемией в стране. Основная цель всех американских обвинений сводилась к намерению дискредитировать КНР в глазах международного сообщества. Эти действия несли непосредственную угрозу китайским международным проектам.

Таким образом, с 1991 г. по 2021 г. внешние факторы оказывали значительное влияние на политику США в отношении постсоветской интеграции. Главными и актуальными для любой администрации являлись активная китайская и российская внешняя политика на постсоветском пространстве, что не отвечало цели Вашингтона расширить зону своего влияния, включив в нее страны бывшего СССР. В связи с этим интеграционные проекты, в которых доминирующие позиции занимали бы Пекин или Москва, также встречали американское противодействие. Характерной чертой политики США в отношении неамериканских интеграционных проектов являлся косвенный негативный характер воздействия на их деятельность: политика борьбы с лидерством Китая и России должна была подрывать политическую и экономическую мощь этих стран, что закономерно вело бы к снижению привлекательности российских и китайских интеграционных проектов для остальных стран-участниц, в то время как американская поддержка должна была продемонстрировать выгоду включения стран, ее получающих, в «западный мир демократий». Переменными факторами, которые определяли политику США в отношении постсоветской интеграции, выступили вопрос ядерного разоружения, а также такие международные события и явления, как замедление демократической трансформации новых независимых государств на рубеже XX–XXI вв., «цветные революции», российско-украинский конфликт и пандемия Covid-19. Внешними факторами, которые сдерживали активную политику США на постсоветском пространстве, в т. ч. направленную на подрыв неамериканских интеграционных проектов в регионе, являлись многовекторность американской внешней политики (приоритет решения задач на иных направлениях), а также необходимость обеспечить международную безопасность, что означало стремление к нормализации отношений с государствами, на территории которых было сохранено советское ядерное оружие до момента разоружения, а также с Россией, ставшей преемницей советской договорной базы с США и участником урегулирования ряда международных конфликтов.

Список использованных источников

1. *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска / З. Бжезинский; пер. с англ. О. Уральской. – М.: АСТ, 2021. – 256 с.
2. Telcon with President Yeltsin of the Republic of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – 1991. – December 8. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-08-Yeltsin.pdf>. – Date of access: 21.11.2021.

3. Congressional Record – Senate [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – February 16. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/02/16/GPO-CRECB-1993-pt2-6-2.pdf>. – Date of access: 03.11.2021.
4. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1994. – July. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1994.pdf>. – Date of access: 09.05.2021.
5. Congressional Record – Senate [Electronic resource] // Congress.gov. – 1994. – May 4. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/05/04/GPO-CRECB-1994-pt7-3-1.pdf>. – Date of access: 03.11.2021.
6. Congressional Record [Electronic resource] // Congress.gov. – 1994. – July 13. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/07/13/GPO-CRECB-1994-pt11-6.pdf>. – Date of access: 03.11.2021.
7. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1999. – December. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2000.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
8. Hale, H. Russia's Fiscal Veto on CIS Integration Russia's Fiscal Veto on CIS Integration [PONARS Policy Memo 15] [Electronic resource] / H. Hale // CSIS. – 1997. – October. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csispubs/pm_0015.pdf. – Date of access: 02.12.2021.
9. The National Security Strategy of the United States of America [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 2002. – September 17. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2002.pdf>. – Date of access: 09.11.2021.
10. *Sushko, O.* From the CIS to the SES. A New Integrationist Game in Post-Soviet Space [PONARS Policy Memo 303] [Electronic resource] / O. Sushko // CSIS. – 2003. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csispubs/pm_0303.pdf. – Date of access: 03.03.2022.
11. *Trenin, D.* Central Asia's Stability and Russia's Security Central Asia's Stability and Russia's Security [Electronic resource] / D. Trenin // CSIS. – 2000. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csispubs/pm_0168.pdf. – Date of access: 01.03.2022.
12. *Olcott, M. U. S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II)* [Electronic resource] / M. Olcott // Carnegie Endowment for International Peace. – 2006. – April 26. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2006/04/26/u.s.-policy-in-central-asia-balancing-priorities-part-ii-pub-18277>. – Date of access: 13.04.2022.
13. *Индик, М.* Оценка внешней политики Обамы [Электронный ресурс] / М. Индик, К. Либергаль, М. О'Хэнлон // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/ocenka-vneshnej-politiki-obamy/>. – Дата доступа: 29.01.2023.
14. FACT SHEET: U. S. Support for Ukraine [Electronic resource] / The White House. Office of the Press Secretary // The White House President Barak Obama. – 2014. – September 18. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/18/fact-sheet-us-support-ukraine>. – Date of access: 27.07.2022.
15. FACT SHEET: U. S. Assistance to Moldova [Electronic resource] / The White House. Office of the Press Secretary // The White House President Barak Obama. – 2014. – June 7. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/06/07/fact-sheet-us-assistance-moldova>. – Date of access: 27.07.2022.
16. FACT SHEET: U. S. Assistance to Georgia [Electronic resource] / The White House. Office of the Press Secretary // The White House President Barak Obama. – 2014. – June 7. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/06/07/fact-sheet-us-assistance-georgia>. – Date of access: 27.07.2022.

17. *Косов, А. П.* Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве: монография / А. П. Косов, Д. В. Юрчак. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – 378 с.

18. *Stronski, P.* There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia [Electronic resource] / P. Stronski // Carnegie Endowment for International Peace. – 2020. – September 16. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2020/09/16/there-goes-neighborhood-limits-of-russian-integration-in-eurasia-pub-82693>. – Date of access: 22.09.2022.

19. *Corre, P. le.* Kazakhstan Must Look Beyond the Belt and Road [Electronic resource] / P. le Corre // Carnegie Endowment for International Peace. – 2018. – May 4. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2018/05/04/kazakhstan-must-look-beyond-belt-and-road-pub-76266>. – Date of access: 13.12.2022.

20. *Косов, А. П.* Подходы США к Беларуси, Казахстану и Центральной Азии как отражение политики Вашингтона в отношении ЕАЭС / А. П. Косов, Е. В. Мацулевич // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 21–22 мая 2020 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 157–159.

21. *Preiherman, Y.* Pandemic Heightens Need to Reset Belarus-Russia Ties [Electronic resource] / Y. Preiherman // Carnegie Endowment for International Peace. – 2020. – May 27. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2020/05/27/pandemic-heightens-need-to-reset-belarus-russia-ties-pub-81909>. – Date of access: 22.09.2022.

(Дата подачи: 24.02.2023 г.)

Д. А. Мизун

Республиканский институт высшей школы, Минск

D. A. Migun

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(476:430)(091)

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ СВЯЗЕЙ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ПАКТА МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА

THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN-GERMAN RELATIONS AFTER THE SIGNING OF THE MOLOTOV – RIBBENTROP PACT

В статье подробно исследуется процесс развития белорусско-германских связей после подписания пакта Молотова – Риббентропа. На основании тщательного анализа архивных документов центральной белорусской прессы, автор приходит к выводу, что после подписания пакта о ненападении и добавочного договора к нему белорусско-германские отношения заметно активизировались.

Ключевые слова: Германия; Беларусь; политические; экономические отношения; советская пресса.

The article examines in detail the process of development of Belarusian-German ties after the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact. Based on a thorough analysis of archival docu-